

№ 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг. [предпочт. не позднее конца XIV в.]; Г 56) [З]. В издании (НГБ-III: 67) приведено указание П. Аристэ о том, что слово *водмоль* — нижненемецкого происхождения. И эта версия была принята также в ДНД. Однако по фонетическому составу древнерусское слово ближе к скандинавским формам (прежде всего к швед. *vadmal*), а не к нижненемецкой, т. е. прав Фасмер (I: 331), согласно которому слово заимствовано из скандинавского (указано А. Циммерлингом).

№ 132 (10-е – 30-е гг. XIV в.; Г 39) [Г]. Во 2-й строке вместо *Л[о]б[о]ка* (ДНД₂, с. 565) уверенно читается *Л[е]бека*. Далее можно прочесть *т[р]о[и] [н]*..., с вероятной конъектурой *т[р]о[и] [н](ами)* ‘проценты за три года’ (ср. комментарий к № 410). Поскольку для имени *Лебекъ* удовлетворительной этимологии не видно, можно думать, что мы имеем дело с эффектом выпадения начальной гласной после гласной предлога, типа у *Вана* (у Ивана) № 495 или *досени* (до осени) № 724 (см. ДНД₂: 71). В таком случае имя могло иметь вид *Улебекъ* или *Алебекъ*, представляя собой результат фонетической адаптации тюркского по происхождению антропонима (*Улубекъ* или *Алибекъ*, см. Расоньи, Баски 2007: 48, 817). Ср. о других вероятных антропонимических тюркизмах в берестяных грамотах комментарий к № 71, 729.

№ 137 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 39) [Г]. Реконструируемое в начале 3-й строки (*п*)оло дъжи (ДНД) содержало бы единственный в грамоте случай замены *ъ* на *о*; с другой стороны, по смыслу и синтаксически это сочетание трудно согласовать с последующим *пожнею*. Выход из положения заключается в иной идентификации буквы, прочитанной в издании как *ж*. От нее уверенно читается только вертикальный штрих. Переданный в прориси и хорошо различимый на снимке длинный косой штрих слева имеет значительно меньший нажим и может быть трактован как след небрежного перенесения пишущего инструмента от предыдущей буквы к последующей (такого рода штрихи в берестяных грамотах — не редкость). При такой его трактовке последовательность знаков в начале строки допускает реконструкцию (*в*)олод[ѣт]и, подсказывающую и вероятную конъектуру для конца грамоты: *по (половинамъ)*. Фраза (*в*)олод[ѣт]и имъ пожнею по половинамъ идеально подходит в качестве формулировки судебного постановления, записанного в бессудной грамоте. Ср. в жалованной грамоте великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459–1469 гг.: *Тыми острова, землею и водою, ловищами, и тонями, и пожнями володѣти игумену и всимъ старцемъ обители святаго Спаса и святаго Николы по сеи по жаловалнои Великого Новагорода грамотѣ и в вѣкы* (ГВНП: 153).

№ 146 (10-е – 30-е гг. XIV в.; Г 10) [Г]. Предложенная в ДНД конъектура *измот(чавъ)* подтверждается изучением нового снимка, на котором верхние части букв *ча* отчетливо различимы.

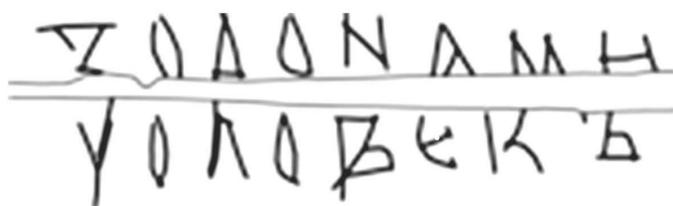
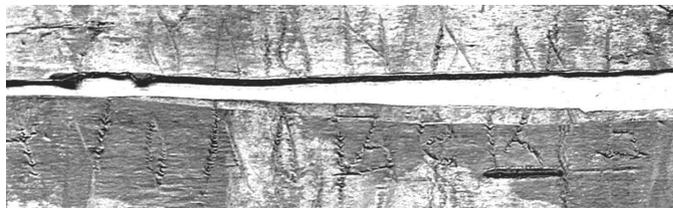
№ 147 (20-е – 30-е гг. XIII в.; В 5) [З]. Следует заметить, что представленное в грамоте написание *ѣще* встречается в памятниках чаще, чем простое смешение *е/ѣ*. Например, в Киевской летописи по Ипат. 21 раз представлено *еще* и 14 раз *ѣще*, притом что в Ипат. *е* и *ѣ* смешиваются очень редко (и почти исключительно в окончаниях).

№ 149 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Вместо *домажи[р]ова ·г· оже ...* следует читать *домажи[р]ова ·г· [ъ] же[р]*..., где *ъ* соответствует окончанию числительного *десять*. Для следующего слова наиболее вероятна конъектура *жер(ебьевъ)*. Ср. перечисление жребиев как земельных долей в относящейся к той же эпохе грамоте № 390 (где, кстати, названы также в общей сложности десять жребиев).

№ 152 (посл. четв. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. В конце 2-й строки читается *при[и]ѣ[л]-* или *при[и]ѣ[о]-*.

№ 167 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 53) [Г]. Во 2-й строке следует, по-видимому, читать: *и[з] Лоствици*, а не *из Лоствиць*, что, впрочем, не проясняет происхождения и географической привязки этого топонима. С полной

уверенностью, между тем, прочитывается спорная словоформа в четвертой строке, читавшаяся до сих пор и как *горюнами*, и как *хоронами*, и как *чоронами*; при этом ни одно из чтений не давало смысла, который бы хорошо подходил к контексту грамоты. На новом снимке (см. ниже его фрагмент с прорисью) видно, что первая буква загадочного слова в действительности — З: *зоронами*. Она имеет ту же конфигурацию, что буква З во второй строке грамоты (см. фото). Обманчивость З в *зоронами* определяется тем, что его хвост слился с правой частью нижестоящего Ч — совершенно так же, как хвост Р слился с левой частью нижестоящего Л.

За написанием *зоронами*, вне всякого сомнения, скрывается стандартное *жоронами* (с заменой *ж* на *з* в силу неразличения свистящих и шипящих «псковского» типа, которое, как показывают находки последних лет, было свойственно древненовгородскому диалекту в большей степени, чем это казалось ранее; ср. *такое же* в № 949). Эта форма принадлежит засвидетельствованному в диалектах (в частности, псковском) слову *а*-склонения *жёрна* ‘жернов’ (см. Фасмер, II: 49; Пск. обл. слов., 10: 213); таким образом, флексия *-ами* не является здесь морфологической инновацией, как это казалось ранее. Проясняется и бытовая ситуация грамоты: мельник заботится о том, о чем ему и пристало заботиться, — о мельничных жерновах.

№ 168 (сер. 30-х – 50-е гг. XII в.; Б 37) [Г]. Вторая строка дочитывается: ...ька [ГРВ]Н[Δ] а по нъгат[Є] (Н)[Δ] | ...

№ 170 (60-е – 70-е гг. XII в.; Б 132) [Г]. Для фрагмента ...*имаю въ дрѣ[з]ѣю треть* более вероятной, чем предложенная в ДНД конъектура (*за*)*имаю*, представляется (*по*)*имаю*. См. ниже комментарий к № 332, где сочетание *в другую треть* выступает в угрозе взять с должника двойной процент в случае, если он не вернет денег, занятых *в треть*. «В треть», то есть из расчета выплаты третьей части занятой суммы в качестве процентов, деньги брали в долг лишь при крайней необходимости, о чем свидетельствует грамота Смол. 12: *ал[и] ти не въдасть, а възми (въ) треть*. Пятидесятипроцентная ставка («в полы») упоминается в грамотах только как угроза изменения условий займа в случае невозвращения долга (№ 915: *Оже ли не присълеши, то ти въ полы*). Судя по концовке ... *на та*, подобную угрозу содержал и рассматриваемый документ (ср. № 862: *Не въдаси ли, а пошлю на та...*). Общая структура грамоты была, по-видимому, следующей: ‘Я дал тебе деньги в треть, а возьму (с процентом) в две трети, когда/если пошлю ... за тобой’. Слово перед *на та* оканчивалось на *-[к]ѣи* или на *-[ж]ѣи*, причем второе более вероятно, учитывая, что *к* в грамоте имеет верхние засечки. Это могло быть, например, имя хозяйки усадьбы, на территории которой проживал должник и куда за ним можно было послать: (*къ Полюж*)*[ѣ]и* или (*къ Давы*)*[ж]ѣи*. Исходя из такого допущения, можно приблизительно реконструировать текст грамоты: (*От X-а к Y-иру. Кънѣ ксем(ь даль тобѣ въ треть, а нынѣ поимаю въ дрѣ[з]ѣю треть, (оли пошлю къ Давы)жѣи на та.*